

Всё движется любовью...

Ранние стихи Любви Никоновой покорила силой непосредственного чувства. Она спешила донести до читателя свой восторг перед «кипением жизни», запечатлев в слове её цвета, звуки, запахи. Нельзя сказать, что подобных стихов нет в новой её книге «Я живу под столетней ветлой...»:

Увижу рыжий, лисий отсвет ржи,
молочные початки кукурузы,
горох зелёный,
дыни близ межи
и толстые и крепкие арбузы.

И всё-таки не подобные зарисовки определили место сборника. Погоня за мгновениями – яркими и звонкими – уступила место другой задаче:

Сладкого сна и блаженного отдыха
Я не вкушала давно.
Всё это было до знанья, до опыта,
до постиженья дано.

Произошла старая, как мир, история: Эдем непосредственной жизни утерян потому, что лирическая героиня отведала плодов познания. И теперь «отдых её равен труду» и не уйти ни от себя, ни от людей, ни от вопросов, которые принято называть «конечными»:

Как получилось, как ей удалось
Стать жизнью? Косный мир пройти насквозь?
От камня отделиться и от кварца
и сбывшейся, решённой оказаться?

Для того чтобы хотя бы приблизительно ответить на это, недостаточно обыкновенного, непосредственного зрения.

На первый план выходит зрение внутреннее, духовное, посредством которого автор сопоставляет явления, обобщает их и обнаруживает первым делом, что всё на свете связано друг с другом, находится в непрерывной работе, становлении:

Мелькает бабочка, как маскарадный маг,
без усталости пчела щекочет мак.
Десятки ненасытных хоботков
берут еду с естественных лотков.
Невзрачные и с виду простачки
на целый мир влияют бурачки.

Теперь для Любви Никоновой в одном ряду – и шум песка, и маковых семян, и икринок. Она проникается уверенностью, что «кипение жизни» далеко не так хаотично и случайно, каким оно казалось ещё вчера. Всё в мире является неразрывными звеньями одной системы:

Простое озеро с осокой
играет скромно роль свою.
В нём, водяном, травой заросшем,

малёк с пшеничное зерно
парит, причастный тайнам общим
со взрослой рыбой заодно.

«Узлы и свитки» земляных червей, «извилины улитки» тоже поражают её своими тайнами, «смыслом непростым». Итак, жизнь имеет смысл, цель. В чём она? Может быть в том, чтобы, идя от простого к сложному, «старый разум» – природный – создал «новый разум» – человеческий:

Старый разум, в хлябях непролазных,
нас вчера из глины создававший,
поглядите, добрый старый разум,
что из глины получилось вашей.
Крепче, твёрже стало в Божьем мире,
выйдя из обители озонной,
мчится, мчится в поднебесной шири
новый разум в капсуле особой.

Любовь Никонова разрабатывает кардинальную тему «нового разума» в стихотворениях «Ребёнок и мир», «Создатель» и других. Наиболее удачна тема, на мой взгляд, воплощена в «Снеговике» – вещи, которую хочется привести целиком:

Из свежего снега сырого
слепив толстяка снегового,
от счастья дитя рассмеялось.
И впрямь толстячок был приятный:
смешной, белоснежный, опрятный.
Не зря с ним игра затевалась.

Стоял он, довольный кулёма...
Рассматривал мир он влюблённо.
Возникшее сердце просило,
чтоб длилась незванная нега.
Хотя бы из снега. Спасибо.

Он случай приветствовал добрый,
Гордился он выпавшей долей:
быть чьим-то созданием – прелестно!
Ты вылеплен! Краткое чудо
цени, не растаял покуда.
Ведь слепят ли вновь – неизвестно.

Это стихотворение удивительно ёмко по смыслу. За сотворением непритязательного Снеговика автор сумел разглядеть смыслы важнейшие, глобальные. Человек выступает здесь как Демиург – творец новой природы – то есть, в сущности, он равен Богу. Но, невероятно вознося человека, автор в то же время заставляет задуматься о кратковременности нашего бытия. Ведь, что ни говори, мы не только творцы, но и бренные творения. В одном лице.

Главной творческой силой автор считает Любовь. Она изначально присуща всему в мире: «брачные пары пузырей» тянутся друг к другу, рыбки «кусают и ласкают» шелковистую водоросль, которая, в свою очередь, обнимается со струящейся водой. Но если на низших уровнях существования любовь может быть тесно переплетена со

смертью, с уничтожением (стихотворение «Молния»), то на уровне человеческого это чувство облагораживается, теряет свой истребительный огонь.

Любовь для этой лирической героини прежде всего – «долгая», то есть постоянная, ровная. Она сознательно противопоставляет её бурным, но кратковременным и изменчивым чувствам. Невозможно представить себе, чтоб она могла крикнуть «предмету любви»: «Я тебя никому не отдам!», как сделала это, например, Марина Цветаева. В данном случае – тон другой:

Но близко от того, кто был мне люб,
всё замирало – сердце и сознание.
И не могло тогда сорваться с губ
хотя бы запоздалое признание.

Это нежное, целомудренное чувство. Его неяркий свет струится из глубины некоторых стихотворений книги. Порой оно как бы стремится вернуться в своё родительское лоно, слиться с любовью вселенской, природной:

Растеньем сокровенным белоус
пишу тебе любовное письмо.

Или:

И ветка, освещённая луной,
На нас обоих, точно дочь, похожа.

Особенно ярко мировой смысл любви показан в небольшой поэме «Розариум»: героиня чудесным образом погружается в середину гигантской розы:

И надо мной цветка сомкнулись своды.
Материя его была чиста.
.....
Я погружалась в глубь цветка послушно,
в глубь розы опускалась, как во сне.
И розовая бездна длилась душно,
ничем не завершаясь в глубине.
И разнесся потоки вдохновений,
объял весь дух, прошёл по всей крови
пронзительный огонь проникновенный
животворящей мировой любви.

Любовь здесь предстаёт даже как нечто материальное, как некая тонкая светонесущая субстанция, из которой сотканы и пьесы Моцарта, и стихи Тютчева и Фета, и скромные цветы в мамином саду. Похоже, что лучшие стихи Любви Никоновой состоят из этого вещества. Но – не все. Ведь обобщения, раздумья таят в себе немалую опасность. Если автор забывает про своё конкретное место во времени и пространстве и пытается высказать мысль, одинаково верную для всех случаев жизни, то чуда поэтического претворения не происходит:

Но только ни жемчуг, ни камень колец
не стоят простых благородных сердец.
Найду ли? И где? На какой высоте,
Сокровище, равное их чистоте.

